

11 *Маковский М М* "Картина мира" и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // ВЯ, 1992, № 6

12 *Маковский М М* Теория языка Фридриха Ницше и современные лингвистические концепции // ВЯ, 191, № 1

13. *Маковский М М* Лингвистическая комбинаторика М, 1988 С 130—138

14 *van Leeuwen-Turnovcova L* Rechts und links in Europa Ein Beitrag zur Semiotik und Symbolik der Geschlechterpolarität Berlin 1990

15 *Scherer A* Gestirnenamen bei den indogermanischen Volker Heidelberg, 1953

16 *Dalby D* Lexicon of the mediaeval German hunt Berlin, 1965 (s v blät)

Маковский М М

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1991. 247 с.

В рецензируемой монографии (ее первая часть выпущена тем же издательством в 1989 г.) исследуются некоторые явления морфологии, словообразования и синтаксиса с точки зрения их отмеченности в функционально-стилистическом отношении.

Анализируемые языковые явления (чередование фонем, ударение, словообразование отвлеченных существительных, синтаксические отношения логической обусловленности) представляются весьма разнородными и поэтому возникает сомнение: можно ли объединить их в монографическом исследовании? Однако в рассматриваемой книге – в этом ее оригинальностью и новизна – объединяющим началом является не языковое поле наблюдений, что свойственно большинству лингвистических работ, а строго определенный, функционально-стилистический аспект анализа: общее, разделяемое всеми авторами монографии представление о тех типах речи, которые могут быть выделены в современном русском литературном языке.

Первая глава – "Морфология" – открывается наблюдениями Н.Е. Ильиной над функционированием морфологических вариантов глаголов непродуктивного класса на *-ать* типа *маишт* – *махают* (с. 5–31). В последние десятилетия утвердилась и стала едва ли не общепринятой точка зрения, согласно которой варианты на *-аю* у непродуктивных глаголов являются результатом воздействия многочисленного I продуктивного класса. Функционально-стилистический анализ приводит исследователя к иным и, на наш взгляд, хорошо аргументированным выводам. Характер варьирования основ у глаголов I непродуктивного класса определяется прежде всего подчиненностью нормам в кодифи-

цированном литературном языке, принадлежностью глаголов к разговорной речи и просторечию, соотношением с образительными средствами в ткани художественного произведения, употреблением в поэтическом языке равновозможных форм глаголов. Выводы автора убедительно подтверждаются большим корпусом хорошо подобранных примеров. Особенно удачны и выразительны иллюстрации из поэтической речи и тонкие наблюдения над образительной функцией вариантов глагольных форм (с. 20–21).

В функционально-стилистическом аспекте русское ударение специально еще не изучалось. В разделе, написанном В.Л. Воронцовой (с. 32–72), представлен опыт решения этой новой и, безусловно, актуальной задачи: на материале имен существительных здесь последовательно сопоставляется акцентуация различных речевых сфер. Внимание автора привлекают прежде всего активные процессы перестройки акцентуации существительных женского и мужского рода в кодифицированном литературном языке (ударение существительных среднего рода в середине XIX в. в основном стабилизировалось). Основная причина акцентной эволюции – в грамматикализации русского ударения, в формировании акцентной оппозиции словоформ ед. и мн. числа. В развитии этой тенденции немало отступлений и ответвлений – автор обстоятельно рассматривает их, но ее общий характер обнаруживается достаточно строго и последовательно. В описании этого динамически развивающегося процесса В.Л. Воронцова опирается на данные своей монографии [1] на выводы историков языка (В.В. Колесова [2] и др.). Основным компонентом метаязыка исследования и анализа служат акцентные схемы

А.А. Зализняка [3]. Однако символы типов ударения не имеют соответствующего пояснения и необходимых иллюстраций (дается только ссылка на с. 36) и это значительно осложняет восприятие данного раздела. Наиболее интересными представляются наблюдения над ударением в разговорной речи и просторечии, в специальных речевых сферах, в поэтических произведениях нашего времени. Именно этот новый материал позволяет обнаружить и показать функционально-стилистический аспект русского ударения.

Рассматривая реализацию побочного ударения в разных типах речи (с. 72–92), С.Н. Борунова полемизирует с теми исследователями, которые считают это средство чисто фонетическим, не имеющим фонологической значимости. О фонологическом характере побочного ударения свидетельствуют, по мнению автора, такие противопоставления, как смысловые: *чёрно-бу́рый медведь* – *чёрно-бу́рая лиса* и грамматическое: наречие *круго́м* – предлог *круго́м* – существительное *кру́гом*. Вслед за Р.И. Аванесовым С.Н. Борунова определяет иерархию факторов, обуславливающих побочное ударение: 1) словообразовательный, 2) ритмический, 3) стилистический. Влияние этих факторов обнаруживается как на лексическом, словарном, уровне, так и в разных типах речи. На уровне словаря слово приобретает свой ритмический рисунок, свою произносительную схему, которая может изменяться в результате его функционирования в разных типах речи и под воздействием текстовых факторов. Воздействие разных типов речи в значительной степени предопределено словарем, так как сложные слова (основной носитель дополнительного ударения) являются принадлежностью главным образом специальной речи. Влияние текстовых факторов более последовательно, чем в разговорной речи, проявляется в публичной речи: здесь обычно представлен полный стиль произношения, что и обуславливает обилие акцентно выделенных слов – носителей побочного ударения. Наблюдения С.Н. Боруновой существенно уточняют и корректируют (ср. полемику с Русской грамматикой 1980 г. – с. 75–76) широко распространенные представления о побочном ударении.

Структура второй главы – “Слово-

образование” – заметно отличается от строения двух других глав: здесь представлен раздел (“Пути и перспективы изучения словообразования в функционально-стилистическом аспекте”, с. 93–102, автор Е.И. Голанова), который, по-видимому, должен рассматриваться в качестве общего обзора литературы предмета. Предлагаемую характеристику работ предшественников и их выбора путей и перспектив исследования трудно считать достаточно полной и убедительной. Труды многих ученых (А.Н. Гвоздева, А.И. Ефимова, Д.Э. Розенталя и др.) получают преимущественно негативную оценку. В конкретных случаях с такой оценкой нельзя не согласиться. Однако опыт предшествующих исследователей вызывает интерес не тогда, когда показывается субъективность или ошибочность их взглядов (с позиций более позднего времени сделать это совсем нетрудно), а тогда, когда он привлекается для того, чтобы обнаружить логику развития научной мысли. А это – собственно главное – как раз и не показано.

В следующем разделе главы (автор Е.И. Голанова) анализируются словообразовательные средства, выражающие категорию отвлеченности в разных типах речи (с. 102–131). Наибольший интерес здесь вызывают наблюдения над употреблением имен на *-ирование* и *-ировка*. А.А. Дементьев [4, 5] полагал, что среди однокоренных существительных преобладают имена на *-овка* (*-ировка*), которые вытесняют имена на *-ование* (*-ирование*). Материалы автора раздела убедительно показывают, что имена на *-(иров)ка* значительно уступают по употребительности более продуктивному типу на *-(ирова)ние*, особенно в общелитературных, публицистических текстах. Это явление получает хорошо аргументированное объяснение. По наблюдениям Е.И. Голановой, меньшая активность и распространенность имен на *-(иров)ка* обусловлена ограничениями семантического и морфонологического характера. Существительные на *-(иров)ка* не образуются от глаголов с обобщенно-отвлеченным значением (*третировать*, *дезертировать*, *редактировать* и т.п.). Кроме того, эти имена образуются, как правило, от глаголов с окончательным ударением (ср.: *пломбирова́ть* – *пломбировка*,

гравировать – *гравировка, сервировать* – *сервировка* и т.п.). Такие глаголы (их около ста) составляют лишь 10% всех глаголов на *-ировать*. Другие наблюдения этого раздела или вполне предсказуемы (ср.: "... имена на *-ие* представлены во всех функциональных разновидностях... общелитературного языка" – с. 107), или же имеют частный характер (ср.: "существительное *озвучание*, а также встречающиеся причастия *озвучающий, озвучаемый* не соответствуют литературным нормам" – с. 126).

В заключительной части главы представлен раздел "Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка", написанный Е.А. Земской (с. 192–164). Словообразование относительных прилагательных (ОП) получает здесь принципиально новое освещение: ОП служат исходным материалом для разработки оригинальной теоретической концепции "... о деятельном характере словообразования, о том, как словообразование используется для выражения разного рода мыслительных (когнитивных) процессов, в том числе и процесса наименования" (с. 133).

Принято считать, что сочетание ОП с существительным сближается со словом, что эта расчлененная номинация во многом подобна однословной номинации. Е.А. Земская занимает диаметрально противоположные теоретические позиции: "... своеобразие славянских ОП заключается в том, что они могут рассматриваться как свободно конструируемые единицы, близкие синтаксическому построению, а не слову" (с. 133).

Обосновывая новый подход к решению рассматриваемой проблематики, автор отмечает прежде всего тот факт, что в языке XIX в. свободное синтаксическое функционирование ОП ослабевает. Однако в наше время (вторая половина XX в.) в некоторых сферах языка (терминологическая и профессиональная речь, публицистика, разговорная речь и поэтический язык) наблюдается повышенная активность ОП. Функционально-стилистический аспект исследования представлен в сопоставительном анализе функционирования сочетаний с ОП в профес-

сионально-терминологической речи и в неспециальной речи.

Е.А. Земская убедительно показывает, что в профессионально-терминологической речи сохраняются утраченные общелитературным языком конструкции, в которых прилагательное определяет существительное со значением действия-процесса и является характерным его обстоятельством выражения характеристик. Ср.: *комбайновая уборка, пастбищное содержание, спиртовое брожение, тракторные измерения, йодная недостаточность, сувенирный кубок, ночная смена, хлорвиниловая пленка* и др. Все эти типы конструкций выделяются и классифицируются в результате строгого трансформационного анализа. Очень показательно, что самым распространенным для профессионально-терминологической речи является такой тип сочетаний, в котором прилагательное выражает отношение к предмету, являющемуся частью, деталью, приметой другого предмета. Ср.: *касетный магнитофон, маятниковые часы, кнопочный переключатель, поплавочные удочки* и др. Ср. также тип отношений "обратный" предыдущему: *магнитофонная кассета, часовой маятник* и др. Будучи необходимой принадлежностью профессионально-терминологической речи, такие сочетания в процессе их длительного и привычного употребления обретают приметы стилистической приемлемости, нормативности, тогда как постоянно возникающие новые, но совершенно аналогичные им сочетания вызывают нередко отрицательное отношение. Так, по наблюдениям Е.А. Земской, негативно оцениваются сочетания *потребительская конференция, сельдь тихоокеанская ящичковая*, но совершенно обычными признаются их аналоги: *читательская конференция; бутылочное, пакетное молоко*.

В неспециальной речи сочетания с ОП могут выражать самые различные виды отношений. Представить их в виде закрытого списка невозможно. В разговорной речи эти отношения нередко связываются говорящим с каким-то частным случаем, и поэтому понять их помогает только широкий контекст и знание предситуации. Ср. приводимые автором примеры: *Я сегодня в голову лук*

втирала и часа два ходила с луковой башкой; Как твоя капустаная нога? (поврежденная при уборке капусты). Совершенно очевидно, что такого рода примеры, а их необозримое множество, свидетельствуют о том, что семантика ОП дана не в слове, а в свободно образуемой конструкции.

Значение ОП рассматривается автором раздела в нескольких аспектах. Отсубстантивные ОП могут иметь широкое недифференцированное значение отношения и качественное значение. Ср.: *Это он с зеркальным пологом* хотел драться (т.е. отраженным в зеркале) и *зеркальная гладь реки*. Развитие качественного значения зависит как от семантики существительного, сочетающегося с ОП, так и от семантики самого прилагательного. Ср.: а) *книжный магазин и книжная романтика, бумажный пакет и бумажная душа* и т.п.; б) *лачужный Шанхай, автомобильная Калифорния*.

Противопоставленность качественно-характеризующего и собственно относительного значения наиболее ярко выражается в конкуренции между прилагательными с суф. *-н-* и *-ов-*. Ср.: *пыльный, грязный – пылевой, грязевой*. Прилагательные с суф. *-н-* могут обнаруживать то относительное, то качественное значение, тогда как прилагательные на *-ов-*, как правило, склонны к выражению чистого отношения. Процесс размежевания однокоренных прилагательных с суф. *-н-* и *-ов-* охватывает значительный круг производных и имеет ярко выраженную тенденцию к дальнейшему развитию: автор раздела приводит целый ряд прилагательных, не зафиксированных современными словарями.

Рассматривая семантику отсубстантивных прилагательных с суф. *-н-*, *-ов-*, Е.А. Земская полемически обосновывает ранее высказанное ею суждение о том, что ОП имеют словообразовательное значение широкого недифференцированного отношения, которое выражается формулой "относящийся к тому, что названо базовой основой". Принципиально важным является следующий вывод исследователя: "те значения, которые могут быть выражены словосочетаниями, включающими ОП и разнообразные существительные, не являются значения-

ми самих прилагательных: это значение словосочетаний, в составе которых происходит конкретизация общего значения недифференцированного отношения" (с. 157).

В наше время, как отмечает Е.А. Земская, ОП активизируются не только в русском языке, но и в таких языках (немецкий, английский, французский), в которых этот класс прилагательных не является столь представительным. Это объясняется тем, что современные развитые языки испытывают потребность в средстве, предназначенном для выражения абстрактной категории отношения, а ОП – это, по-видимому, наиболее удобное и универсальное средство выражения данного значения.

Наблюдения Е.А. Земской, интересные и значительные сами по себе, открывают новые перспективы в изучении и интерпретации некоторых труднорешаемых проблем, выходящих за пределы теории словообразования. Рассмотрим в этом отношении особенности предикативного функционирования прилагательных. Известно, что ОП в составе сказуемого используются крайне редко. Как объяснить этот немаловажный для грамматики факт? Именной предикат выражает, как правило, или качественно-оценочное, или идентифицирующее значение. Качественный признак ОП обычно не достигает той степени концентрации, которая делала бы возможным и необходимым его актуализацию и, следовательно, преобразование обычной для них адеквативной функции в функцию предикативную. Идентифицирующее значение выражается, как правило, словоформами имени существительного. В этом случае возможная для ОП синтаксическая позиция замещается обычно их семантическими аналогами – предложно-падежными словоформами. Значит, для активного функционирования ОП открытой оказывается только сфера адеквативации. Но здесь с ними конкурируют предложно-падежные словоформы, образующие свободно конструируемые единицы. Эта оппозиция в сфере адеквативации приводит к тому, что ОП или становятся единицей, способной выражать значение конкурирующих предложно-падежных словоформ, или превращаются в компонент аналитической номинации (составные термины и близкие к ним описательные наименования). Следовательно, вывод Е.А. Земской (с. 133) не только

находит свою аргументацию в собственно синтаксических (по необходимости кратких) рассуждениях, но и придает последним дополнительную объяснительную силу, объединяя решение сложных вопросов словообразования, номинации, синтаксиса.

В заключительной, третьей главе – "Синтаксис" (с. 165–238) – Е.Н. Ширяев анализирует отношения логической обусловленности (ОЛО), способы их выражения и распределения по сферам языка. Автор ставит перед собой задачу дать по возможности полное описание в одной системе всех способов выражения ОЛО (причинных, следственных, условных, целевых, уступительных) и последовательно соединить это описание с функционально-стилистическим анализом каждого из способов. Новизна и научная значимость этой задачи определяются прежде всего тем, что в центре внимания исследователя оказывается привлекаемый в полном объеме материал разговорной речи (РР), который ранее либо вообще не использовался, либо использовался лишь эпизодически. Необходимость такого материала обуславливается тем, что, во-первых, многие способы выражения ОЛО распространены только или преимущественно в РР, во-вторых, многие способы выражения ОЛО, выступая в неразговорных сферах, сохраняют тем не менее свою разговорную окраску и, следовательно, без привлечения разговорного материала невозможно понять и представить особенности структуры и функционирования этих способов выражения ОЛО.

Исходным и основополагающим конструктом работы Е.Н. Ширяева является суждение о том, что первичной формой выражения ОЛО следует считать форму сложноподчиненного предложения (с. 172–178). На этом хорошо аргументированном положении естественным образом базируется предлагаемый автором метод исследования: "... чтобы дать анализ структурно-семантических особенностей вторичных способов, необходимо и достаточно указать, чем вторичный способ отличается от первичного" (с. 178).

В системе вторичных способов выражения ОЛО центральное место занимают бессоюзные сложные предложения. В сопоставлении с первичным способом (сложноподчиненное предложение) они отличаются соответственно эксплицитностью / имплицитностью ОЛО и выражен-

ностью / невыраженностью смысловой зависимости предикативных конструкций. Эти свойства бессоюзных предложений обуславливают их наиболее яркую и примечательную особенность: возможность недифференцированных отношений в данных построениях. Ср.: *Отметель будет – лыжня испортится опять*. Здесь могут быть представлены и отношения условия (*если*), и отношения следствия (*так что*), и, наконец, отношения причины (*так как*). Союзов или союзных слов, выражающих такое комплексное значение, в русском языке нет, и поэтому такие бессоюзные сложные предложения не имеют точных аналогов среди союзных. Как показывает Е.Н. Ширяев, в бессоюзном сложном предложении не могут быть изолированы от причинных следственных отношения (ср.: *Меня не было вчера в институте / я ничего не знаю*), уступительные отношения всегда сопровождаются противительными (ср.: *Хотел прийти / не пришел*).

Основной сферой функционирования бессоюзных сложных предложений является, как известно, РР. Они могут выражать любое отношение (дифференцированно или в недифференцированном комплексе), однако регулярность и активность бессоюзных предложений с разными ОЛО различна. Регулярны и активны предложения с причинными, причинно-следственными и условными отношениями, менее активны предложения с недифференцированными уступительно-противительными отношениями и, наконец, наимного реже, а в некоторых разновидностях только в единичных случаях отмечаются предложения с целевыми отношениями. Бессоюзные предложения, как убедительно показывает автор главы, всегда несут на себе печать разговорности и ориентируются на выражение имплицитного смысла, поэтому они практически не употребляются в строгих функциональных стилях – научном и официально-деловом.

Особо и более детально Е.Н. Ширяев рассматривает бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями (с. 190–201). Здесь обращает на себя внимание весьма значимое, на наш взгляд, наблюдение: в РР в данном типе конструкций заметно преобладают личностные бессоюзные сложные предложения, в которых обуславливаются действия самих говорящих либо некоего третьего лица.

В перазговорных сферах автор различает стандартные и нестандартные бессоюзные предложения: с прямыми причинно-следственными отношениями и опосредованными отношениями, когда причинно-следственные связи входят в более широкий недифференцированный комплекс. В публицистических текстах и научно-популярной литературе употребляются только стандартные предложения. Этот тип предложений является доминирующим и в языке художественной литературы, однако при имитации РР здесь широко используются и нестандартные бессоюзные предложения с причинно-следственными отношениями. Особенно показательным и интересным является следующее наблюдение: "... в поэтических стихотворных текстах не только широко представлены как стандартные, так и нестандартные бессоюзные сложные предложения..., но и явно проявляет себя тенденция использовать формальные и семантико-синтаксические особенности бессоюзных сложных предложений даже более широко, чем это имеет место в самой РР" (с. 199).

Другие вторичные способы выражения ОЛО анализируются с меньшей обстоятельностью, иногда эскизно, но всегда в строгой последовательности и логической обусловленности. В составе сложных построений характеризуются сложносочиненные предложения со следственными отношениями (они возникают только при союзе *и*), сложные предложения с экспликаторами ОЛО (типа: *следовательно, зато, однако*), сложные предложения с несвободной формой (типа: *Сделай он это, все было бы хорошо*).

В составе простых построений рассматривается выражение ОЛО в предложениях с зависимым пропозитивным компонентом, с пропозитивным существительным в им. падеже, со специальным предикатом, с пропозициями неполной номинализации, с обособленными членами. Всякое простое предложение с ОЛО, — подчеркивает Е.Н. Ширяев, — отличается от сложноподчиненного предложения, первичной формы выражения ОЛО, прежде всего тем, что пропозиции (одна или обе) выступают в нем в свернутом виде: а) с пропозитивным зависимым членом (*Он валился с ног от усталости*), б) с пропозитивным членом — существительным в им. падеже (*Усталость валила его с ног*),

в) в предложениях со специальным предикатом (*Поражение клапана ведет к нарушению его функции*).

В предложениях первого типа зависимый пропозитивный компонент представлен чаще всего существительным в косвенном падеже с предлогом. Здесь ОЛО могут выражаться эксплицитно — с опорой на специализированные средства (ср. предлоги: *вследствие, ввиду, благодаря, на основании, с целью* и т.п.) или имплицитно — с опорой на семантику всего предложения. Это противопоставление характеризует общую картину функционально-стилистических возможностей данных предложений. Эксплицитное выражение ОЛО — характернейшая примета научного и официального стиля. Во всех других сферах языка — в РР, в художественной литературе, в публицистике — возможны как эксплицитные, так и имплицитные конструкции.

В предложениях со специальным предикатом некоторые существительные и глаголы прямо называют тот или иной тип ОЛО (ср.: *причина, цель, условие, объясняется, обуславливается* и т.п.). Основная сфера функционирования таких предложений — научный функциональный стиль. В языке художественной литературы они обычно служат средством стилизации под научное изложение.

Характеристика специального предиката, выделяемого Е.Н. Ширяевым, дает новое освещение некоторым синтаксическим явлениям. Так, например, хорошо известен тот факт, что в наиболее ранних случаях употребления творительного предикативного последовательно и регулярно представлено слово *причина*. Однако предпосылки и логика развития творительного предикативного отвлеченных существительных еще не получили достаточно убедительного объяснения. Есть основания думать, что специальный предикат стремится получить свою формальную маркированность.

Среди других наблюдений Е.Н. Ширяева особо следует выделить характеристику ОЛО в предложениях с обособленными членами. Эти построения отличаются тем, что а) в них представлен особый тип свернутой пропозиции, б) ОЛО в предложениях с обособлением являются имплицитными. Эта новая и, на наш взгляд, перспективная интерпретация данных конструкций хорошо согласуется с известными положениями А.М. Пешковского и существенно уточ-

няет теоретические позиции современных исследователей (ср. полемику с "Русской грамматикой" 1980 г. — с. 232–233).

Основные результаты синтаксической главы монографии наглядно представлены в двух развернутых четких и строгих таблицах.

В рецензируемой книге можно отметить некоторые недочеты композиционного и технического характера. Отдельные теоретические положения требуют развернутого дискуссионного обсуждения. Однако оценивая монографию в целом, следует подчеркнуть главное: открывая перспективы функционально-стилистического аспекта лингвистического анализа, рецензируемая книга станет необходимой и надежной опорой в формировании и развитии нового научного направления в грамматических исследованиях.

1. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М., 1979.
2. *Колесов В.В.* История русского ударения // Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
3. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
4. *Дементьев А.А.* О словах типа *колка*, *регулировка* в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 26.
5. *Дементьев А.А.* Очерки по словообразованию существительных в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 27.

Чернов В.И.

Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке) / Semantics or syntax? (Answering wh-questions in Russian). München: Verlag Otto Sagner, 1990. 206 S. (Slavistische Beiträge. Bd. 268)

Рецензируемая монография вышла в свет на двух языках: русском и английском. Формально английский текст является аннотацией, однако и по своему объему (около 30 с.), и по композиции, в точности соответствующей исходному делению на главы, а главное, по стилю, это — сокращенный авторский перевод.

Монография посвящена одной из узловых проблем теории диалога — логико-семантическому анализу вопросов с вопросительными словами. Композиционно работа делится на три главы: 1. Логико-семантические средства описания вопросов на естественном языке; 2. Логико-семантический анализ вопросов со словом *какой*; 3. Логико-семантический анализ вопросов со словом *где*. Имеющиеся приложения посвящены вопросам типа *Где N?* (ср. *Где Аня?*) и вопросам о причине и цели.

Рамки исследования устанавливаются автором с сознательным введением следующих двух ограничений. Первое ограничение связано с выбором уровня языкового анализа: из трех возможных

подходов к анализу частных вопросов — синтаксического, семантического и прагматического — выбран семантический. Автор справедливо считает недостаточным чисто синтаксический — так называемый "заместительный" подход, при котором порождение ответа осуществляется путем замены вопросительного слова в вопросе на языковое выражение с заданными синтаксическими характеристиками. Заместительный подход (а) не учитывает возможности существования лингвистически правильных ответов, не воспроизводящих синтаксическую структуру вопроса (ср. *Где твоя рубашка? — Я ее в шкаф повесил*), и (б) не объясняет семантическую неадекватность некоторых синтаксически правильных ответов (ср. *Какие цветы растут в саду? — *В саду растут красивые цветы* вм. *Розы, тюльпаны и маки*).

С другой стороны, в работе не исследуются и прагматические критерии выбора допустимых ответов из множества семантически правильных.